

лую рубашку с его любимой голубой вышивкой на груди, в серые брюки, как всегда аккуратно выутюженные. Румяный, улыбающийся, он то и дело оглядывал лица ребят.

Но как ни старались ребята и девушки придать собранию серьезную обстановку, молодость, несмотря ни на что, брала свое. Нет-нет, да и вспыхивали шутки и смех.

Собрание открыл Олег. Напряженная ночь стояла за окнами нашего домика, и мне казалось, что я слышу, как бьются сердца ребят.

Олег заранее распорядился, чтобы бабушка дежурила во дворе, а дядя Коля — на улице. Я была с ребятами, изредка выходила во двор и на улицу — узнать, все ли в порядке.

На этом собрании был избран штаб в составе Олега, Вани Земнухова, Вани Туркенича и Сергея Тюленина; позднее в штаб вошли Люба Шевцова и Уля Громова.

Организация была единодушно названа «Молодой гвардией».

Секретарем комсомольской организации был единогласно избран Олег, он же стал и комиссаром «Молодой гвардии». Командиром организации избрали Ивана Туркенича.

Потом встал вопрос об оружии; стали думать, где и как его достать, где хранить.

Ребята уже успели подглядеть, что румыны и итальянцы довольно небрежно относятся к своему оружию: оставляют его без присмотра, а иногда непрочь и променять на продовольствие.

Было решено: оружие добывать всякое, пользоваться для этого любым удобным случаем, особенно при остановках вражеских войск в Краснодоне, в Изварино, в Шевцевке, и везде, где можно, доставать винтовки, автоматы, патроны, гранаты, тол, мины.

Как только заговорили об оружии, Сережа Тюленин